

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 136
(ЮНЬ).
1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. О презрѣніи и отрицаніи міра.— Архипастырскій привѣтъ духовнымъ юношамъ. Воспитанникамъ Вологодской духовной семинаріи, окончившимъ курсъ ученія, отъ Епископа Вологодскаго и Тотемскаго,— миръ и Божіе благословеніе! *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*— Звѣзды пустыни. Повѣсть записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, ещескимъ дустышникомъ.— Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

Предлагается въ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О ПРЕЗРѢНІИ И ОТРИЦАНІИ МІРА.

Міра отрещися 1) не то, чтобы всѣхъ вещей отстать. Ибо безъ нихъ ни на одну минуту быть не можемъ; и ради насъ онѣ созданы, чтобы ими пользовались и Бога Создателя благодарили; да и удалиться отъ нихъ не можемъ, ибо вездѣ онѣ насъ окружаютъ, срѣтаютъ и послѣдуютъ намъ. 2) Не то паки, чтобы людей ненавидѣть и ими гнушаться. Ибо повелѣно намъ другъ друга любить, и любить не токмо добрыхъ, но и злыхъ, не токмо друзей, но и враговъ нашихъ, по словеси Господню, подражая въ томъ небесному Отцу, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія*. Матѳ. Гл. 5. ст. 44 и 45. 3) Не то паки, чтобы заключиться въ монастырѣ или пустынѣ. Ибо міръ тотъ, котораго берещися должны мы, внутрь насъ носимъ: и потому, куда ни пойдѣмъ, не убѣжимъ отъ него. И какъ не всѣ, живущіе въ монастыряхъ или пустыняхъ, его отрекаются: такъ и во градѣхъ и селѣхъ пребывающіе, не всѣ работаютъ ему, какъ изъ слѣдующихъ сіе увидимъ.—Чтожъ убо есть отрещися міра? Есть не иное что, какъ отъ всего того, что насъ отъ любви Божіей отводитъ и до вѣчнаго неблагополучія доводитъ, сердце и любовь отвратить. Сюда принадлежитъ плоть наша со страстями и похотями, которую должно *распинатъ*, когда хотимъ *Христовыми быть*, а не міра сего чадами. Галат. Гл. 5. ст. 24. Въ семъ мірѣ заключается самолюбіе, самоволіе, сребролюбіе, славолюбіе, любочестіе, лестъ богатства, славы и чести суетныя, которыми надымается и возносится плоть наша. Къ сему причисляется все, что увеселяетъ и услаждаетъ чувства наши, и ударяетъ въ сердце наше и помрачаетъ душевное око, которымъ Свѣтъ вѣчный—Богъ видится. Здѣ мѣсто имѣетъ Бого-противное чреву угожденіе. До сего міра надлежатъ братія и друзи наши, жена и дѣти, отецъ и мать наши и прочіе, когда они насъ отъ Христовой отводятъ любви. Самаго здравія нашего, членовъ нашихъ, живота нашего отрещися должны мы; безчестія, поруганія, узъ, темницы, смерти не ужасатися, когда того честь Христова требуешь,

и любовь Божія иначе сохраниться не можетъ. *Всякъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ*, глаголетъ Христось. Лук. Гл. 14. ст. 33. Самолюбіе, самоволіе, сребролюбіе и любословіе есть имѣніе плоти наша: о сихъ она тщится, сихъ ищетъ; а когда видитъ препятствіе, не терпитъ, гнѣвается, злобится и враждуетъ. Отъ сихъ бесполезныхъ, паче же вредныхъ трудовъ отзываетъ насъ Христось и призываетъ къ Своему покою: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азь упокою вы*. Матѳ. Гл. 11. ст. 28.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго).

АРХИПАСТЫРСКІЙ ПРИВѢТЪ ДУХОВНЫМЪ ЮНОШАМЪ.

Воспитанникамъ Вологодской духовной семинаріи, окончившимъ курсъ ученія, отъ Епископа Вологодскаго и Тотемскаго миръ и Божіе благословеніе!

Лишенный возможности лично благословить васъ на порогъ изъ школы въ жизнь, привѣтствую васъ симъ посланіемъ съ окончаніемъ курса и молитвенно желаю вамъ Божія благословенія на предстоящее вамъ служеніе родной Церкви и отечеству. Не сомнѣваюсь, что среди васъ не мало юныхъ сердець, готовыхъ откликнуться на призывъ Господа: *грядите по Мнѣ, и сотворю вы ловцы чловѣкомъ* (Мѳ. 4, 19). Думаю, что изъ тѣхъ, которые увлекались свойственными чловѣку слабостями, на которыя жалуется даже избранный сосудъ благодати—Павель (Рим. 7, 14—24), не мало такихъ, которые хотѣли бы всей душой бросить эти слабости, всецѣло отдаться свѣтлому идеалу юности и тѣмъ показать, что порокъ еще не свиль себѣ гнѣзда въ ихъ юномъ сердцѣ, показать, что они выбросили его оттуда, какъ незванно-вторгшагося насильника, и рѣшили идти за Христомъ. Да благословить Господь этотъ святой порывъ сердца, къ Нему стремящагося!

Молодымъ людямъ свойственно мечтать о счастьѣ, о плодотворной живой дѣятельности. Вѣдайте же, что жизнь не есть веселый пиръ; она есть подвигъ, тяжелый подвигъ борьбы съ тѣмъ зломъ, въ которомъ, по слову Апостола, весь міръ лежитъ. Нужны благодатныя силы для этой борьбы, а источникъ этихъ силъ—только въ живомъ общеніи съ небесною Церковію и Самимъ Богомъ, въ таинствахъ Церкви и въ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ и святыми Его. И счастливы мы, служители Церкви, что стоимъ непосредственно у сего благодатнаго источника, что

не только сами можемъ пить изъ него животворныя струи, но и напаять ими вѣренныя намъ души. Счастливы и вы, питомцы церковно-богословской школы, что готовились къ сему великому служенію—служенію Церкви и уже стоите на порогѣ своего трудового поприща. Не смущайтесь тѣмъ, что ждетъ васъ на этомъ святомъ поприщѣ: съ нами Христосъ! Слышите Его ободряющій голосъ: не бойтесь, это Я! Се Азь съ вами есмь во вся дни! Многотрудно служеніе пастырское, смущаютъ толки о необезпеченности духовенства, но мы крѣпко вѣруемъ, что вѣренъ Своему всемогущему слову. Тотъ, Кто сказалъ: *достоинъ есть дѣлатель мзды своей. Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.* Только бы мы были вѣрны завѣтамъ Его, а Онъ не обманетъ насъ. Нѣкогда Онъ Своимъ всемогущимъ благословіемъ умножилъ пять хлѣбовъ для насыщенья пяти тысячъ: и насъ не забудетъ, и нашего хлѣба кусочки благословить!

Кто-бы что ни говорилъ, а опытъ всѣхъ вѣковъ, ученіе нашей святой вѣры, признаніе самыхъ великихъ мудрецовъ, начиная съ Соломона и кончая мудрецами языческой древности, даже сознаніе самихъ отщепенцевъ вѣры въ родѣ еретика нашего времени Толстого—все непреложно удостовѣряетъ, что возможное для человѣка счастье—въ немъ самомъ, въ спокойствіи его совѣсти, въ сознаніи исполненнаго долга, а по ученію слова Божія—главнымъ образомъ въ благодатномъ утѣшеніи отъ Духа Божія, по слову Христову: *царствіе Божіе*, которое есть правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ, *внутри васъ есть...*

Примите къ сердцу—пока хотя на вѣру—эту великую истину: потомъ познаете ее опытомъ жизни и скажете мнѣ великое спасибо за то, что я напоминаю ее вамъ именно теперь, когда вы стоите на порогѣ жизни, когда вамъ приходится стать твердою ногою на томъ или иномъ пути. Отдайте свое сердце нашему возлюбленному Господу Иисусу Христу: о, какъ Онъ безконечно благъ, какъ силенъ утѣшить преданное Ему сердце! Сыне, глаголетъ Онъ, даждь Ми твое сердце! Возлюби Меня, довѣрься Мнѣ, и Я не покину тебя. Если и жена забудетъ отроча свое,—Азь не забуду тебя! Вѣрь, не изнеможетъ слово Мое, и глаголь Мой не изыдетъ тощъ!

Хотите видѣть воочию великій примѣръ вѣрности сихъ обѣтованій? Онъ только что прошелъ предъ всѣми нами, пастырями Церкви Христовой: еще такъ недавно опочилъ, къ Богу отошелъ великій пастырь русской земли, незабвенный и приснопамятный молитвенникъ нашъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Перечитывайте житіе и писанія его и поучайтесь этой всецѣлой преданности въ волю Господню, этой беззавѣтной любви къ ближнему, этому непрестанному молитвенному подвигу и общенію съ небомъ. По-

учайтесь и дивному проявленію на немъ силы Божіей и точному исполненію обѣтованія: сія вся приложатся вамъ. Никто, можетъ быть, съ самага начала хрістіанства на Руси изъ пастырей Церкви—никто не пропускалъ чрезъ свои руки столько сокровищъ земныхъ на дѣла благотворенія, сколько проходило ихъ чрезъ чистыя руки отца Іоанна. Люди вѣрные свидѣтельствуютъ, что въ теченіе года не одинъ милліонъ присылали ему добрыя вѣрующія души на святыя дѣла, и онъ передавалъ ихъ туда, куда указывалъ ему Богъ въ его чуткой совѣсти. Такъ Господь исполнялъ на немъ Свое обѣтованіе даже въ томъ, что касалось земныхъ благъ. Говорить ли о томъ, какъ всегда жизнерадостно было его духовное настроеніе? Его сердце было воистину рай Божій! И на всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ, изливалъ онъ эту радость, всѣхъ согрѣвалъ своею беззавѣтной любовью, своей отеческой лаской, всѣхъ утѣшалъ, ободрялъ, укрѣплялъ своею молитвой. Не напрасно же къ нему текли со всѣхъ сторонъ тысячи православныхъ: они сердцемъ ощущали, что въ немъ, въ этомъ вѣрномъ служителѣ Церкви, сокровища благодати. Вотъ чей образъ долженъ носиться постоянно предъ нашими духовными очами! Пусть для насъ не достигимъ этотъ идеалъ, но онъ убѣждаетъ насъ, что все же его достиженіе—возможно. Если мы усвоимъ хотя частичку его добродѣтелей, и тогда будемъ безконечно счастливы. Такіе пастыри могутъ быть только въ нашей православной Церкви, ибо она—учительница хрістоподражательнаго смиренія, этого основанія всѣхъ добродѣтелей, этого воздуха, коимъ всѣ онѣ дышатъ. Пойдемъ же служить нашему Господу! Будемъ вѣрными Его послѣдователями, Его послушниками, дерзаю сказать—Его сотрудиниками! Куда пошлетъ Онъ, туда и пойдемъ: не будемъ своевольничать въ избраніи своего жизненнаго пути! Послужите Ему вѣрою и правдою наипаче въ той области, которая родила и воспитала васъ, потрудитесь на той нивѣ, которую воздѣлывали отцы ваши; въ той епархіи, которая дала средства вамъ быть тѣми, что вы есть теперь. Ахъ, если бы вы знали, какъ нашъ добрый простой народъ жаждетъ живого слова ученія хрістіанскаго, какъ дорожить онъ тѣми пастырями, которые готовы утолить эту жажду живою водою слова Евангельскаго, ученія святоотеческаго! Я знаю одного учителя церковно-приходской школы въ Москвѣ, который, весь отдавшись своему святому труду, успѣваетъ, въ теченіе недѣли, при помощи своихъ сотрудиниковъ, провести пятнадцать бесѣдъ съ народомъ на фабрикахъ и заводахъ, и вотъ плоды его бесѣдъ: во дни великой смуты 1905 года въ томъ районѣ, гдѣ его школа, не было ни на одной фабрикѣ забастовки. А сила его слова такова, что слушатели готовы бываютъ на всѣ возможныя для нихъ жертвы, по его призыву. Разъ мужичекъ-

рабочій даже снялъ съ себя свою поддѣвку, а одна женщина— платокъ съ головы и отдала этому учителю-проповѣднику для тѣхъ бѣдняковъ, коимъ онъ приглашалъ помочь на своей бѣсѣдѣ. Вотъ что значитъ слово живое, солю любви растворенное! Да поможетъ же и вамъ Господь быть свѣточами среди окружающаго народъ нашъ мрака невѣжества, нищеты и всяческихъ заблужденій! Будьте радостью нашей, похвалою Церкви православной—нашей Матери! *Тако да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ!* Аминь,

Никонъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

ЗВѢЗДЫ ПУСТЫНИ.

Повѣсть, записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ пустынникомъ.

II.

Путившись въ обратный путь отъ мѣста подвига преподобнаго Тимоѳея, я черезъ нѣсколько дней пришелъ въ одинъ пустынный монастырь и остановился въ немъ, чтобы отдохнуть до времени. И сталъ я скорбѣть и сокрушаться, размышляя и говоря себѣ: что же это за жизнь моя? что за подвиги? Нѣтъ въ нихъ и тѣни житія и подвиговъ того угодника Божія, котораго я видѣлъ. И немало дней провелъ я въ такомъ размышленіи, желая подражать въ богоугожденіи праведному тому мужу. И возбудило меня милосердіе Божіе къ тому, чтобы попекся я о душѣ моей и не полѣнился вновь идти во внутреннюю пустыню путемъ незнаемымъ въ ту страну, гдѣ обитаетъ народъ варварскій, имя которому „Мазикъ“, или „Мазики“. Одного только и желалъ я усердно, чтобы увѣдать мнѣ, есть ли еще въ пустынѣ и другой какой пустынникъ, работающій Богу, найти его и отъ него получить пользу для души моей.

И, вотъ, отправился я,—пишетъ Пафнутіи,—въ намѣченный мною путь пустынный, взявъ съ собою хлѣба и воды лишь столько, чтобы хватило мнѣ на малое время. Когда вышелъ у меня весь хлѣбъ и не стало у меня воды, сталъ я скорбѣть о лишеніи пищи, но я крѣпился и такъ шелъ четыре дня и четыре ночи безъ пищи и безъ питія, пока не изнемогъ тѣломъ до того, что упалъ на землю, ожидая смерти. И увидѣлъ я святолѣпнаго мужа прекраснаго и пресвѣтлаго. Подошелъ онъ ко мнѣ, возложилъ мнѣ руку свою на уста и сталъ невидимъ: и тотчасъ я ощутилъ въ себѣ силы, и уже не испытывалъ ни голода, ни жажды. Когда же поднялся я съ земли, то пошелъ опять въ глубь той пустыни и опять четыре дня и четыре ночи шелъ безъ

пищи и безъ питія,—и вновь сталъ я изнемогать отъ голода и жажды. Тогда воздѣль я руки къ небу, помолился Господу и вновь увидѣль того же мужа. Коснулся онъ устъ моихъ и сталъ невидимъ. И отъ прикосновенія того я вновь почувствовалъ въ себѣ новую, еще большую силу и вновь отправился въ путь. И когда насталъ семнадцатый день путешествія моего, я дошелъ до нѣкоей высокой горы и сѣлъ у подножія ея отдохнуть, ибо очень утрудился. И увидѣль я вдали отъ меня идущаго мужа, образомъ страшнаго, какъ звѣрь всего обросшаго волосами и бѣлаго какъ снѣгъ; былъ же онъ сѣдъ отъ старости. Волосы же его головы и бороды были такъ длинны, что достигали земли и, какъ одеждой, покрывали его тѣло; чресла же его были препоясаны листьями пустынныхъ растеній. И когда увидѣль я, что приближается онъ ко мнѣ, то напалъ на меня страхъ, и я убѣжалъ на скалу, что была на верху горы. Мужъ же тотъ, дойдя до подножія горы, сѣлъ отдохнуть въ ея тѣни: а былъ онъ утомленъ отъ палящаго зноя и отъ немощи своей старческой. Взглянувъ же на гору и увидѣвъ меня воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ:

— „Человѣкъ Божій, сойди ко мнѣ! Я такой же, какъ и ты, человѣкъ, Бога ради живущій въ этой пустынѣ“.

И когда я услышалъ зовъ его,—пишетъ Пафнутій,—то поспѣшно рритекъ къ нему и палъ предъ его ногами. Но онъ мнѣ сказалъ:

— „Встань, сынъ мой! Ты тоже рабъ Божій и другъ святымъ Его. Пафнутій—имя тебѣ“.

И я всталъ, а онъ повелѣлъ мнѣ сѣсть. И сѣлъ я предъ нимъ съ радостію. И прилежно просилъ я его, чтобы повѣдалъ онъ мнѣ имя свое и житіе, и пребываніе свое въ пустынѣ, и сколько времени проводитъ онъ въ подвигѣ. Видя же прилежное моленіе мое, началъ онъ мнѣ сказывать повѣсть свою такими словами:

— „Имя мое—Онуфрій. Шестьдесятъ уже лѣтъ какъ я въ этой пустынѣ, скитаясь въ горахъ и не видя ни единаго человѣка. Тебя перваго я вижу нынѣ. Было же мое пребываніе прежде въ честномъ монастырѣ, именуемомъ Эрити, что близъ города Ермополя, въ странѣ Оивайдской. Жило въ томъ монастырѣ сто братій единокорныхъ, живущихъ въ согласіи и великой о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ любви между собою. Все общее у нихъ было—и пища, и одежда,—и проводили они постническую жизнь свою въ безмолвіи и мирѣ, славя милость Господню. Я же, наставляясь тамъ въ новоначаліи съ дѣтства моего, поучался у святыхъ отцовъ вѣрѣ и любви къ Богу и уставамъ житія иноческаго. И слышалъ я тогда бесѣды ихъ о святомъ пророкѣ Иліи, какъ онъ, укрѣпляемый Богомъ, въ постѣ имѣлъ

пребываніе въ пустынь. И о святомъ Іоаннѣ Предтечѣ слышалъ я въ тѣ дѣтскіе свои годы, о томъ пророкѣ великомъ, подобнаго которому не было никогда между человѣками. Внимая же бесѣдамъ о томъ, каково было житіе его въ пустынь до самого дня явленія его Израилю, спросилъ я отцовъ:

— Больше ли васъ предъ Богомъ тѣ, что живутъ въ пустынь? Они же мнѣ отвѣчали:

— „Истинно, дитя, тѣ больше насъ передъ Богомъ: мы всякій день видимъ другъ-друга и пѣніе соборное совершаемъ съ радостію; ѣсть ли захотимъ,—готовый хлѣбъ обрѣтаемъ; возжаждемъ ли—и вода намъ готова; заболитъ ли кто изъ насъ,—отъ братій утѣшеніе получаетъ, ибо всѣ мы живемъ общою жизнью, другъ-другу помогаемъ и ради любви Божіей служимъ. У живущихъ же въ пустынь нѣтъ ничего того. Прилучится ли кому изъ пустынножителей какая печаль,—кто его утѣшитъ? кто въ недугѣ ему поможетъ и послужитъ? Наведется ли сатаною брань,—гдѣ отыщетъ онъ человѣка, который могъ бы измѣнить теченіе его мыслей словами убѣжденія? Во всемъ и вездѣ онъ одинокъ. Пищи ли у него не станетъ,—откуда онъ ее возьметъ? Возжаждетъ—и воды нѣтъ ему по близости... О, дитя! въ пустынь тамъ предстоитъ спасающемуся трудъ несравненно большій, чѣмъ намъ, живущимъ въ общежитіи, и тотъ, кто вступаетъ въ подвигъ житія пустыннаго, того трудъ выше передъ Господомъ: больше постъ, великодушнѣе терпѣніе въ голодѣ и жаждѣ, въ зноѣ полуденномъ и въ холодѣ ночи. Крѣпко противится тотъ бранямъ, невидимымъ врагомъ наносимымъ, всѣ силы свои напрягая на его одолженіе. Вотъ, какова высота стремленія ихъ пройти весь тѣсный и скорби исполненный путь, ведущій въ Царство Небесное! И, вотъ, тѣхъ великихъ трудовъ ради, посылаемы къ нимъ Богомъ бываютъ святые Ангелы: они имъ и пищу приносятъ, и воду изъ камня изводятъ, и укрѣпляютъ ихъ такъ, что сбываются на нихъ слова Исаи пророка: „измѣнится крѣпость терпящихъ Господа ради,—окрылятся они, какъ орлы, въ путь пойдутъ, и не утрудятся“.

Кто же изъ нихъ не сподобляется очевиднаго ангельскаго видѣнія, тотъ все же не лишается невидимаго ихъ присутствія, соблюдающаго пустытника во всѣхъ путяхъ его, защищающаго его отъ навѣтовъ вражнихъ: помогаютъ ему Ангелы Господни въ дѣланіи его и молитвы его Богу приносятъ. А случится кому изъ пустытниковъ вражья напасть,—воздѣнетъ онъ руки свои къ Богу; и въ тотъ же часъ посылается ему свыше помощь, и ради чистоты его сердечной, расточаются всѣ его напасти...

Ты слышалъ ли, чадо, что сказано въ Писаніи: „не оставляетъ Богъ ищущихъ Его, и не будетъ забвенъ нищій, и терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца?“ и еще: „воззвали ко Гос-

поду въ скорби своей, и отъ бѣдъ ихъ избавилъ ихъ Господи.“?

Воздастъ Господь каждому по труду его, подъятому Господа ради, и блаженъ творящій на землѣ волю Господню и усердно работающій Ему: и Ангелы, хотя бы и невидимо, ему служатъ и радостью духовною его исполняютъ, и укрѣпляютъ его на всякій часъ, пока живетъ онъ во плоти“.

Слушалъ я все это отъ святыхъ отцовъ въ монастырѣ моемъ и услаждался я, смиренный Онуфрій, въ сердцѣ моемъ и душѣ слаще, чѣмъ отъ меда, и мнилъ я себя какъ бы въ иномъ мірѣ.

И возбудилось во мнѣ желаніе неизреченное удалиться въ пустыню.

И, вотъ, всталъ я ночью и, взявъ не больше какъ дня на четыре хлѣба, вышелъ я изъ монастыря и пошелъ, возложивъ упованіе на Бога, дорогою, ведущею въ горы, а оттуда въ пустыню. И только сталъ я вступать въ предѣлы пустыни, увидѣлъ я предъ собою лучъ сіяющаго свѣта. И остановился я въ сильномъ испугѣ, помышляя уже возвратиться обратно въ мой монастырь. Лучъ же тотъ свѣтлый приблизился ко мнѣ и изъ него услышалъ я голосъ, говорящій мнѣ:

— „Не бойся! Я—Ангель, сопутствующій тебѣ отъ дня твоего рожденія: я приставленъ къ тебѣ Богомъ, чтобы охранять тебя въ путяхъ твоихъ. И нынѣ повелѣлъ мнѣ Богъ ввести тебя въ эту пустыню. Будь совершенъ и смиренъ сердцемъ предъ Господомъ, работай Ему съ радостью, и я не отступлю отъ тебя, пока не повелитъ Создатель взять душу твою“.

Сказалъ то изъ свѣтовиднаго луча незримый Ангель и пошелъ предо мною; я же послѣдовалъ за нимъ съ великою радостью.

Такъ шли мы шесть, или семь милліарій ¹⁾; и увидѣлъ я довольно большую пещеру; и сталъ мнѣ невидимъ лучъ ангельскаго свѣта. Когда же приблизился я къ пещерѣ, то пожелалъ узнать, нѣтъ ли въ ней человѣка и, по обычаю иноческаму, подойдя къ ея входу, сказалъ громко:

— Благослови!

И увидѣлъ я честнаго старца, образомъ священнолѣпнаго, являющаго лицомъ и взоромъ пребываніе въ немъ великой благодати Божіей и радости духовной. Увидѣвъ его, я кинулся къ ногамъ его и поклонился ему въ землю. Онъ же рукою поднялъ меня и, давъ цѣлованіе, сказалъ:

— „Такъ это ты, братъ Онуфрій, сотрудникъ мой о Господѣ? Войди, чадо, въ обиталище мое! Богъ въ помощь тебѣ въ призваніи твоёмъ творить добрая дѣла въ страхѣ Божіемъ“!

И вошелъ я въ пещеру его, и пробылъ съ нимъ нѣкоторое время, чтобы научиться отъ него доброму его дѣланію. И на-

¹⁾ Мѣра длины, равная 1481, 75 метра, или около 1½ версты.

училъ онъ меня образу житія пустыннаго. Когда же увидѣлъ старецъ, что просвѣтился духъ мой къ упражненію въ дѣлахъ, угодныхъ Господу нашему Иисусу Христу, и къ необязанному противостоянію тайнымъ бранямъ противника-дѣвола и страшилищамъ, таящимся въ пустынѣ, то сказалъ онъ мнѣ:

— „Идемъ теперь, чадо мое: я поведу тебя въ иную пещеру— она во внутренней пустынѣ: живи въ ней одинъ и трудись съ помощью Божіей въ дѣланіи духовномъ, ибо на то смотреніемъ Своимъ и послалъ тебя Господь, чтобы быть насельникомъ внутренней пустыни“.

Преподавъ мнѣ такое наставленіе, взялъ и повелъ онъ меня въ самую глубь пустыни. И шли мы четыре дня и четыре ночи, а на пятый день обрѣли мы на пути нашемъ малую пещеру. И сказалъ мнѣ святой тотъ мужъ:

— „Вотъ мѣсто то, которое для жительства твоего уготовалъ тебѣ Богъ“!

И пробылъ тутъ со мною старецъ тридцать дней наставляя меня въ добромъ дѣланіи. И когда исполнилось тридцать дней, отошелъ онъ на мѣсто своего пребыванія, поручая меня Богу. И отъ того дня приходилъ онъ ко мнѣ разъ въ годъ, ежегодно посѣщая меня до самаго преставленія своего къ Богу. Когда же преставился мой старецъ, я много плакалъ и предаль его погребенію близъ моего жилища“.

И вопрошилъ я его, смиренный Пафнутій:

— „Отецъ святой! много ли принялъ ты на себя трудовъ въ началѣ пришествія твоего въ эту пустыню?“

Отвѣчалъ мнѣ блаженный старецъ:

— „Повѣрь мнѣ, братъ возлюбленный, такъ тягостно мнѣ было, что много разъ я отчаявался даже въ жизни моей и мнилъ быть при смерти: изнемогалъ я отъ голода, и отъ жажды, не имѣя сначала ровно ничего, что ѣсть мнѣ, или что пить, кромѣ нѣкоего развѣ зеля пустыннаго, что было мнѣ пищей; а жажда моей только отъ небесной росы бывала прохлада. И днемъ жгло меня солнце полуденнымъ зноемъ, а ночью померзаль я отъ холода ночнаго; и сырѣло тѣло мое отъ росы небесной: чего только ни принялъ въ непроходимой этой пустынѣ? Нѣтъ возможности и высказать даже всего, что претерпѣлъ я и какіе понесъ я труды, да и не подобаешь открывать того, что человѣку должно наединѣ творить ради любви Божіей. Благій же Богъ, видя, что я предаль всего себя на постническіе подвиги и душу свою положилъ на алканіе и жажду, повелѣлъ Ангелу Своему имѣть обо мнѣ попеченіе и приносить мнѣ на каждый день немного хлѣба и немного воды для укрѣпленія моего тѣла: и такъ питаемъ я былъ Ангеломъ тридцать лѣтъ. Когда же протекли тѣ годы, тогда даровалъ мнѣ Богъ въ утѣшеніе пищу болѣе

обильную: близъ пещеры чудесно выросла финиковая пальма, и на ней—двѣнадцать вѣтвей, и каждая вѣтвь всякій мѣсяць стала приносить плоды свои. Пройдетъ мѣсяць,—сойдутъ и плоды съ одной вѣтви; тогда начинаетъ плодоносить слѣдующая: и такъ на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ распредѣлено было между вѣтвями той пальмы мое пропитаніе. Господнимъ же повелѣніемъ истекъ для меня изъ камня и малый источникъ ключевой воды. И, вотъ, съ тѣхъ поръ прошло еще тридцать лѣтъ и во всѣ эти годы всего было у меня въ изобиліи: или хлѣбомъ Ангельскимъ питаюсь, или финиками съ зелиемъ пустыннымъ, которое для меня, какъ медъ, услаждается повелѣніемъ Господнимъ; пью же я чистую воду ключевую, воздавая за все благодареніе Богу. Иначе же всего питаюсь и упоеваюсь отъ словъ Божіихъ, какъ писано о томъ: „не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“... О, братъ мой Пафнутій! Стоитъ только тебѣ приложить усердіе къ исполненію воли Господа Бога, какъ все тебѣ потребное будетъ Имъ послано, ибо сказано въ святомъ Евангеліи: „не заботьтесь, говоря, что вамъ ѣсть и что пить, и во что одѣться, ибо всего этого и язычники ищутъ: Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что все это вамъ необходимо. Ищите же прежде всего Царствія Божьяго и правды его, и это все приложится вамъ“.

Такъ говорилъ мнѣ Онуфрій преподобный, и я, Пафнутій, дивился чудному житію его. И спросилъ я его вновь:

— Отецъ! Какъ же причащаешься ты въ субботу и въ день воскресный Пречистыхъ Христовыхъ Тайнъ?

И онъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Приноситъ мнѣ Пречистыя Христовы Тайны и причащаетъ меня Ангелъ Господень. И не ко мнѣ одному приходитъ онъ съ божественнымъ причащеніемъ, но и къ прочимъ, живущимъ Бога ради въ пустынѣ и не видящимъ лица человѣческаго. И отъ того причащенія исполняемся мы неизреченнаго веселія. Когда же кому изъ пустынниковъ пожелается видѣть лицо человѣческое, то беретъ его Ангелъ и возноситъ на небо, чтобы видѣть ему тамъ святыхъ, возвеселиться и просвѣтиться тамъ душѣ его, какъ свѣту полуденному, возрадоваться духомъ, при видѣ благъ небесныхъ, уготованныхъ Богомъ для любящихъ Его. И забываетъ тогда сердце пустытника всѣ труды, подъятыя имъ въ пустынѣ, и еще усерднѣе тогда, вернувшись на землю, работаетъ Богу пустынникъ, упоая на вѣки получить на небесахъ то, что восхищеніемъ былъ удостоенъ видѣть“.

У подножія горы той, гдѣ была наша первая встрѣча, говорилъ мнѣ все это преподобный Онуфрій. И отъ такой бесѣды преподобнаго исполнился я радости великой, и забылъ я всю тяготу, и голодъ и жажду путешествія моего. Когда же при-

шелъ я въ себя отъ восторга духовнаго, то сказалъ преподобному:

— О, какъ же блаженъ я, что удостоился видѣть тебя, отецъ святой, и слышать сладкія и прекрасныя твои рѣчи!“

Онъ же сказалъ мнѣ:

— „Встанемъ же теперь, братъ, и пойдемъ къ жилищу моему!“ И мы встали, и пошли. Я же не переставалъ удивляться благодати, почивающей на преподобномъ старцѣ. Такъ прошли мы два или три милліарія и пришли къ честному жилищу святаго. Росла тамъ, близь него, большая финиковая пальма и протекалъ малый источникъ проточной ключевой воды. И, остановившись у пещеры, помолился преподобный. Когда же окончилъ молитву и сказалъ „аминь“, то сѣлъ самъ и мнѣ велѣлъ сѣсть рядомъ съ собою: и такъ продолжали мы бесѣду, возвѣщая другъ другу милости Господни. Когда же стало солнце склоняться къ западу и гаснуть день, тогда увидѣлъ я лежащій между нами хлѣбъ чистый и приготовленную для питья воду; и сказалъ мнѣ блаженный тотъ старецъ:

— „Вкуси, братъ, положеннаго предъ тобою хлѣба и подкрѣпи силы: вижу я, что изнемогъ ты отъ голода и жажды, и отъ труда дорожнаго“.

Я же отвѣтилъ ему:

— Живъ Господь мой! Онъ—Свидѣтель мнѣ, что не стану я ѣсть и пить одинъ, если ты самъ не будешь ѣсть со мною!

Но онъ не соглашался. И долго я просилъ его о томъ, и едва могъ умолить его. Тогда взяли мы хлѣбъ въ руки, преломили, ѣли и насытились, и еще остались остатки отъ хлѣба. И испили мы воды, и благодарили Бога, и всю ночь ту пребыли на молитвѣ.

Когда же возсіялъ день, то замѣтилъ я на утреннемъ пѣни, что измѣнился въ лицѣ преподобный, и устрасался я перемѣнѣ этой. Онъ же, провидя страхъ мой, сказалъ мнѣ:

— „Не бойся, братъ мой Пафнугій! Милосердый ко всѣмъ Богъ послалъ тебя ко мнѣ, чтобы ты предалъ погребенію тѣло мое, ибо нынѣшній день окончится временное житіе мое, и перейду я въ жизнь безконечную ко Христу моему въ покой вѣчный“.

Былъ же день тотъ двѣнадцатый мѣсяца Іюня. И далъ мнѣ, Пафнугію, завѣтъ свой преподобный Онуфрій:

— „Когда возвратишься ты, братъ мой возлюбленный, въ Египеть, поминай меня тогда предъ лицомъ братіи и всѣхъ хрістіанъ!“

Я же сказалъ ему:

— Отецъ святой! Я желаю, по исходѣ твоемъ изъ тѣла, пребыть здѣсь, на твоемъ мѣстѣ.

Отвѣчалъ мнѣ преподобный:

— „Не для того, дитя мое, посланъ ты Богомъ въ эту пустыню, чтобы имѣть въ ней пребываніе, но для того, чтобы видѣть рабовъ Его, возвратиться затѣмъ домой и повѣдать добродѣтельное житіе ихъ братьямъ, на пользу слышавшимъ и во славу Христа Бога нашего. Иди же, дитя мое, въ Египеть въ монастырь свой и въ иные и повѣдай, что видѣлъ уже и слышалъ ты въ пустынѣ, а также и то, что еще увидишь и услышишь. Самъ же пребудь въ дѣлахъ добрыхъ, работая Христу Богу“.

И паль я послѣ словъ этихъ предъ честными его ногами, и сказала я:

— Благослови меня, отецъ честнѣйшій, и помолися обо мнѣ: да удостоитъ меня Богъ Своей милости, и да сподобитъ меня Спаситель мой видѣть святыню твою въ жизни будущаго вѣка, какъ удостоилъ того и въ этой жизни привременной.

И поднялъ меня преподобный Онуфрій съ земли и сказалъ мнѣ:

— „Пафнутій, дитя мое! оправдаетъ вѣру твою Богъ и исполнитъ прошеніе твое. Благословитъ Онъ тебя, утвердитъ въ любви твоей и просвѣтитъ очи твои къ Боговѣднію, избавитъ тебя отъ всякаго паденія и сѣтей противника—дѣвола и усовершитъ въ тебѣ начинанія твои добрыя; сохранятъ тебя Ангелы Его вовеѣхъ путяхъ твоихъ и соблюдутъ тебя отъ враговъ невидимыхъ, да не обрѣтутъ они въ чемъ обвинить тебя предъ Богомъ въ часъ испытанія грознаго!“

И затѣмъ далъ мнѣ преподобный отецъ послѣднее о Господѣ цѣлованіе и началъ молиться Богу со слезами обильными и многимъ воздыханіемъ. Преклонивъ колѣни и помоляся довольно, возлегъ онъ на землю и изрекъ послѣднее свое слово:

— „Въ Руки Твои, Боже мой, предаю духъ мой!“

И при словахъ этихъ, осіялъ его съ небесъ свѣтъ дивный, и въ осіяніи того свѣта, съ веселіемъ радости на ликѣ своемъ, испустилъ онъ духъ свой. И во мгновеніе то услышалъ я въ воздухѣ гласъ пѣнія Ангеловъ Божіихъ, поющихъ и благословляющихъ Бога: то возносила къ Господу душа преподобнаго, пріятая съ радостію на руки Ангельскія. И рыдалъ я, и плакалъ я надъ честнымъ его тѣломъ, ибо не успѣлъ я приобрѣсти отца, какъ тутъ же его и лишился. И сорвалъ я съ себя одежду мою, отодралъ подшивку ея и ею покрылъ тѣло святаго, а верхомъ одежды моей вновь одѣлъ тѣло мое, чтобы не нагимъ возвратиться мнѣ къ братіи моей монастырской. И нашелъ я камень великій, въ которомъ не руками человѣческими, но Божьимъ смотреніемъ, устроено было углубленіе на подобіе гроба: и положилъ я въ томъ камнѣ съ подобающими пѣснопѣніями святое тѣло угодника Божьяго. И, собравъ множество камня мелкаго, покрылъ я тѣмъ камнемъ честное тѣло преподобнаго.

Когда же сталъ я молиться Богу, чтобы даровалъ Онъ мнѣ жить на томъ мѣстѣ и только хотѣлъ, было, войти въ ту пещеру, какъ въ то же мгновеніе на глазахъ моихъ разрушившись пала пещера и пала съ корнемъ пальма, питавшая святаго, и изсякъ источникъ воды ключевой. Когда же увидѣлъ я совершившееся, то позналъ я, что нѣтъ благоволенія Божьяго на то, чтобы жить мнѣ на томъ мѣстѣ. И собрался я уходить отсюда; съѣлъ я куски хлѣба, оставшіеся отъ вчерашняго дня, выпилъ и остатки воды въ сосудѣ и, воздвѣвъ руки къ небу и возведя очи, помолился. И увидѣлъ я того же мужа, котораго видѣлъ и прежде, направляясь въ пустыню; и тотъ, укрѣпивъ силы мои, пошелъ впередъ предо мною. Исходя же отсюда, скорбѣлъ я о кончинѣ святаго Онуфрія и о томъ, что не удостоился дольше видѣть его въ живыхъ, но скорбь свою растворялъ я и радостью души моей, что сподобился насладиться святою его бесѣдою и благословеніе отъ устъ его принялъ.

И такъ двинулся я въ путь, благодаря и прославляя Бога.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Продолженіе).

XXI.

Испытанное мною чувство страха такъ захватило меня всего, что я не сознавалъ даже, продолжали ли мы и во время этой ужасной встрѣчи нашъ полетъ, или она остановила насъ на время; я понималъ, что мы движемся, что мы продолжаемъ подыматься вверхъ, лишь когда предо мною снова разостлалось безконечное воздушное пространство.

Пройдя нѣкоторое его разстояніе, я увидѣлъ надъ собою яркій свѣтъ: онъ походилъ, какъ казалось мнѣ, на нашъ солнечный, но былъ гораздо сильнѣе его. Тамъ, вѣроятно, какое-то царство свѣта.

„Да, именно царство, полное владычество свѣта“, предугадывая какимъ-то особымъ чувствомъ еще не видѣнное мною, думалъ я,—потому что при этомъ свѣтѣ нѣтъ тѣней. „Но какъ можетъ быть свѣтъ безъ тѣни?“ сейчасъ же выступили съ недоумѣніемъ мои земныя понятія.

И вдругъ мы быстро внеслись въ сферу этого свѣта и онъ буквально ослѣпилъ меня. Я закрылъ глаза, поднесъ руки къ лицу, но это не помогло, такъ какъ руки мои не давали тѣни. Да и что значила здѣсь подобная защита!

„Боже мой, да что же это такое, что это за свѣтъ такой? Для меня вѣдь та же тьма. Я не могу смотрѣть и, какъ во тьмѣ, не вижу ничего“—взмолился я, сопоставляя мое земное зрѣніе и за-

бывъ или, можетъ-быть, даже и не сознавая, что теперь такое сравненіе не годилось, что теперь я могъ видѣть и во тьмѣ.

Эта невозможность видѣть, смотрѣть увеличивала для меня страхъ неизвѣстности, естественный при нахожденіи въ невѣдомомъ мнѣ мірѣ, и я съ тревогой размышлялъ: „Что же будетъ дальше? Скоро ли минемъ мы эту сферу свѣта и есть ли ей предѣлы, конецъ?“

Но случилось иное. Величественно, безъ гнѣва, но властно и непоколебимо сверху раздалися слова:

— Не готовъ!

И затѣмъ... затѣмъ мгновенная остановка въ нашемъ стремительномъ полетѣ вверхъ—и мы быстро стали опускаться внизъ.

Но прежде чѣмъ покинули мы эти сферы, мнѣ дано было узнать одно дивное явленіе.

Едва сверху раздалися означенныя слова, какъ все въ этомъ мірѣ, казалось, каждая пылинка, каждый самонаибольшій атомъ отозвались на нихъ своимъ изволеніемъ. Словно многомилліонное эхо повторило ихъ на неуловимомъ для слуха, но осязательномъ и понятномъ для сердца и ума языкѣ, выражая свое полное согласіе съ послѣдовавшимъ опредѣленіемъ. И въ этомъ единствѣ воли была такая дивная гармонія, и въ этой гармоніи столько невыразимой восторженной радости, предъ которой жалкимъ безсолнечнымъ днемъ являлись всѣ наши земные очарованія и восторги. Неподражаемымъ музыкальнымъ аккордомъ прозвучало это многомилліонное эхо, и душа вся заговорила, вся беззавѣтно отозвалась на него пламеннымъ порывомъ слиться съ этой общою дивною гармоніей.

XXII.

Я не понялъ настоящаго смысла относившихся ко мнѣ словъ, то-есть не понялъ, что я долженъ вернуться на землю и снова жить такъ же, какъ раньше жилъ; я думалъ, что меня несуть въ какія-либо инныя страны, и чувство робкаго протеста зашевелилось во мнѣ, когда предо мною сначала смутно, какъ въ утреннемъ туманѣ, обозначились очертанія города, а затѣмъ и ясно показались знакомыя улицы.

Вотъ и памятное мнѣ зданіе больницы. Такъ же, какъ прежде, чрезъ стѣны зданія и закрытыя двери былъ внесенъ я въ какую то совершенно неизвѣстную мнѣ комнату: въ комнатѣ этой стояло въ рядѣ нѣсколько окрашенныхъ темною краской столовъ и на одномъ изъ нихъ, покрытомъ чѣмъ-то бѣлымъ, я увидѣлъ лежащаго себя, или, вѣрнѣе, мое мертвое окоченѣвшее тѣло.

Неподалеку отъ моего стола какой-то сѣденькій старичекъ въ коричневомъ пиджакѣ, вода согнутою восковою свѣчкой по строкамъ крупнаго шрифта, читалъ Псалтирь, а по другую сторону на стоявшей вдоль стѣны черной лавкѣ сидѣла, очевидно,

уже извѣщенная о моей смерти и успѣвшая пріѣхать моя сестра и подлѣ нея, нагнувшись и что-то тихо говоря ей—ея мужъ.

— Ты слышалъ Божіе опредѣленіе? подведя меня къ столу,—обратился ко мнѣ безмолствовавшій доселѣ мой Ангелъ Хранитель, и, указавъ затѣмъ рукою на мое мертвое тѣло, сказалъ: „Войди и готовься“.

И за симъ, оба Ангела стали невидимы для меня.

XXIII.

Совершенно ясно помню, что и какъ произошло послѣ этихъ словъ со мною.

Сначала я почувствовалъ, что меня какъ бы стѣснило что-то; затѣмъ явилось ощущеніе непріятнаго холода, и возвращеніе этой утраченной мною способности чувствовать такія вещи живо воскресило во мнѣ представленіе прежней жизни, и чувство глубокой грусти какъ бы о чемъ-то утраченномъ охватило меня. (Замѣчу здѣсь къ слову, что чувство это осталось послѣ описываемаго мною событія навсегда при мнѣ).

Желаніе вернуться къ прежней жизни, хотя до этой поры въ ней не было ничего особенно скорбнаго, ни на минуту не шевельнулось во мнѣ; меня нисколько не тянуло, ничто не влекло къ ней.

Приходилось ли вамъ, читатель, видѣть пролежавшую нѣкоторое время въ сыромъ мѣстѣ фотографію? Рисунокъ на ней сохранился, но отъ сырости онъ выпѣлѣлъ, облинялъ и, вмѣсто опредѣленнаго и красиваго изображенія, получилась какая-то сплошная блѣдно-рыжеватая муть. Такъ обезцвѣтилась для меня жизнь, превратясь тоже въ какую-то сплошную водянистую картинку, и таковою остается она въ моихъ глазахъ и по нынѣ.

Какъ и почему почувствовалъ я это сразу—не знаю, но только она ничѣмъ не влекла меня; испытанный мною раньше ужасъ отъ сознанія моего разобщенія съ окружающимъ міромъ теперь почему-то утратилъ для меня свое страшное значеніе, я видѣлъ, напримѣръ, сестру и понималъ, что не могу сообщаться съ ней, но это нисколько не тяготило меня: я довольствовался тѣмъ, что самъ вижу ее и знаю все о ней; во мнѣ даже не явилось, какъ прежде, желанія заявить какъ-нибудь о своемъ присутствіи.

Впрочемъ и не до того было. Чувство стѣсненія заставляло меня все больше и больше страдать. Мнѣ казалось, что меня словно жмутъ какими-то тисками и ощущеніе это все усиливалось; я, со своей стороны, не оставался пассивнымъ, дѣлалъ что-то, боролся ли, стараясь освободиться отъ него, или дѣлалъ усилія не освобождаясь, какъ-нибудь сладить, одолѣть его—опредѣлить не могу, помню только, что мнѣ становилось все тѣснѣй и тѣснѣй, и, наконецъ, я потерялъ сознаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).